Килесов Денис

ПАНТЕОН

16+

Денис Витальевич Килесов

Пантеон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63440491
SelfPub; 2020

Аннотация

Если уснуть в электропоезде не знающего покоя Пантеона, то можно надолго выпасть из его стремительного ритма. Разрезающие вечно темное небо автомобили, каскады жилых уровней и рябящие в глазах неоновые вывески враз покажутся чем-то незнакомым. В городе, который с каждым заданным самому себе вопросом, становится все менее реальным, что-то не так. Но как узнать что именно, если жители давным-давно променяли разум на вечное развлечение? А незримая гильотина бесповоротного конца все ощутимее снижается над твоей шеей…

Денис Килесов
Пантеон

0001

Я открыл глаза, посмотрел вперед, еще ничего толком не осознавая, и вдруг понял, что уже не сплю. Страшное дело, уснуть в электропоезде по пути на работу – никогда не знаешь наверняка, насколько тяжело сон захватит тебя в этот раз. Я сидел на диванчике один, соседей не было. В начале вагона стояла девушка с транспарантом. На нем была очередная остросоциальная надпись, а на ней – скучающий безучастный взгляд. Я не смог бы вспомнить, как она сюда попала, даже под дулом пистолета.

Я посмотрел в окно – мой поезд стремительно рассекал город, мельтешивший кислотными огнями никогда не угасающих вывесок. Яркое марево зарябило в глазах, и я отвернулся. «Я еду на работу», – мелькнула догадка. Но как ни старался, припомнить адреса не получилось. Нельзя засыпать в электропоездах.

Ничего, обычно такое быстро проходит. Мимолетное наваждение, которое в порыве паники можно спутать с потерей памяти, проходит, стоит лишь увидеть привычную вещь. Но что в этом вагоне могло бы быть мне привычным? Та девушка, бессмысленно пикетирующая у дверей? Точно

нет.Немногочисленные пассажиры, все как один с расфокусированными взглядами, потребляющие гала-контент через очки дополненной реальности? Тоже мимо. Должно же быть что-то…

Пришлось пошарить по карманам. В левом – белая пластиковая карта. Очевидно, пропуск. В правом… бинго! Сложенный вдвое клочок бумаги с двумя адресами. Напротив одного написано «Работа», напротив другого – «Дом». Очевидно, сейчас я ехал по первому адресу.

Объявили следующую станцию. Судя по надписи на клочке бумаги – моя. Я нехотя встал, потянулся, разминая затекшие конечности, проверил багажный отсек под сиденьем, который оказался пустым, и двинулся к выходу. В дверях я чуть было не столкнулся с девушкой, держащей плакат, но на мои неловкие извинения она лишь рассеянно покачала головой. Казалось, она совершенно не понимала, где находится и чем занимается.

Подойдя к дверям и взявшись за поручень, я окинул взглядом вагон еще раз, в надежде на спонтанное прозрение, но увидел только пару человек в темно-синих комбинезонах с нашивками на плечах на другом конце вагона. 7

Служители правопорядка. Их всегда можно отличить от остальных, даже если твоя память дала сбой. Один из них, повернулся ко мне, подозрительно сощурился и что-то неразборчиво пробормотал. Второй наклонился, чтобы переспросить, и тут электропоезд остановился. Это была моя

станция. Я без промедления выскочил из вагона.

0010

Многократные повторения заученного алгоритма действий загоняют их последовательность в подкорку головного мозга. Удобно – можно совершенно не задумываться над тем, чем занято твоё тело. Бесконечная неоновая карусель надземных переходов подхватывается лабиринтом одинаковых дверей и вот ты на своём месте. Комната, три на четыре метра, с ярким монитором на стеклянном столе и мусорное ведерко для офисной бумаги. Рабочее место. Мельчайшая клетка в теле необъятного бессмысленного левиафана. Лучше даже не думать о том, несут ли твои действия хоть какой-то смысл, ведь ответ может навсегда разрушить хрупкую скорлупу бытового спокойствия. И тогда все – нет тебя, как ни старайся кричать об обратном.

Я привычно сел, размял пальцы и положил их на клавиатуру. Наверное, я всегда так делал. Подсознание в этом гораздо более верный советчик, чем память. Заклацали клавиши, взметнулись пальцы, сознание вновь нырнуло в омут липкого оцепенения.

Не знаю, в какой момент я понял, что рабочий день закончился. Ноги будто сами понесли меня к выходу сквозь поток сгорбленных поникших фигур с мутными водянистыми глазами. На уже привычном поезде я добрался до второ-

го адреса, который был наспех накорябан на клочке бумаги в кармане моих брюк. Сверившись с огромным числом, полыхающим во всю стену многоэтажного здания, я поспешил внутрь.

Мое жилище с большой натяжкой можно назвать местом, куда хочется поскорее вернуться после трудового дня. Все необходимые удобства так сильно жмутся друг к другу, что места для банальных нескольких шагов попросту нет.

Я с сомнением посмотрел на узкую кровать у маленького окошка. Постель была идеально заправлена, будто бы я никогда на нее и не ложился. Хотя, все возможно. Отбросив мысли о бесцельном прозябании в этой конуре, я решил провести вечер хотя бы вне четырех стен, в которых из душа выходишь прямиком на кухню, совмещенную с прихожей.

На улице, казалось, светился сам воздух. Люди, как смазанные световые блики, порывисто перемещались в каком-то хаотичном ритме, мне совершенно непонятном. Город Пантеон – судя по ярким повсеместным цифровым медиа-фасадам, назывался он именно так. Город не спал. Было очень похоже, что его жители вообще забыли значение этого слова и вычеркнули его и из лексикона, и из жизненного алгоритма.

Я посмотрел на небо. Черная бездна, не выражающая ничего. А ведь утром было все так же. Темное небо и горящие, как в последний раз, неоновые огни Пантеона. Утро и вечер – деление дня на фазы отдалось в сознании глухим скрипом архаизмов. Время здесь перестало быть строгой величиной.

Сомневаюсь, что оно вообще продолжает существовать в головах жителей Пантеона.

“Нужно найти тихое место, – подумал я, – Желательно, чтобы там можно было выпить”.

0011

Бар долго искать не пришлось, людской поток сам затянул меня с головой и выплюнул перед дверями заведения с непроизносимым названием. Еще с улицы было видно, что внутри вряд ли найдется свободное место, но я все же решил попытать счастья. Однако, увы, чуда не произошло. Очутившись среди круговорота звонкого смеха, громких тостов и кварцевого взгляда бартендера, рыскающего глазами по толпе, как голодный коршун, я потерянно огляделся. Ни одного свободного столика. Даже места у барной стойки – и те были заняты. Я было собрался пойти, уже повернулся к двери и взялся за ручку, как вдруг на глаза мне попался маленький столик на двоих. За ним сидела одинокая девушка и мяла пальцами фильтр давно выкуреннной сигареты. Не колеблясь, я развернулся в ее сторону. Искать еще одно заведение жутко не хотелось, а в случае отказа я мало что терял. И вообще, если пораскинуть мозгами, ситуация вполне нормальная, когда…

– Ты подсесть хочешь? – прервала мои мысли девушка, к которой я все же подошел, совершенно незаметно для себя.

– Да, мне просто не…

– Не с кем провести время. Извини, не интересно, – отмахнулась она.

– Мне не хватило места, – завершил я фразу и поспешно добавил, – я просто посижу, выпью и уйду. Не хотел тебе мешать.

– В таком случае, не помешаешь, – безразлично ответила девушка. Очевидно, когда я перестал посягать на ее личное пространство, моя персона стала ей мало интересна. Я неуклюже опустился на стул и принялся неловко рассматривать керамическую поверхность стола. Девушка отстраненно смотрела в сторону, но взгляд ее, в действительности, изучал меня. Я чувствовал это всей кожей, но не мог оторвать глаз от стола. Моя прежняя решимость растворилась без следа. Сидеть подобным образом можно было бы целую вечность, но внезапно девушка сама нарушила молчание.

– В таких ситуациях принято спрашивать имя, – с усмешкой бросила она.

– Боюсь, что не запомню.

– Вот как? – удивленно посмотрела она на меня, – Это было даже почти обидно.

– Нет, ты не подумай, что это связано с тобой, просто… Сегодня меня что-то подводит самочувствие. Уснул по дороге на работу, и после этого странное чувство… Трудно объяснить, – я смешался и нахмурился.

«С какой стати я вообще начал ей что-либо объяснять? Пусть думает, что ей заблагорассудится. Я зашел вы-

пить, между прочим, а не виновато оправдываться». Поймав взгляд бартендера, я поднял руку и слабо улыбнулся. Он порывисто подошел. Коршун спикировал на добычу.

– Все-таки вспомнил, что ты в баре? – ехидно сказала девушка

– “Хемингуэй Спешл”, пожалуйста, – сказал я бармену, проигнорировав выпад невольной собеседницы.

– Почему именно он? – ее тон сменился на заинтересованный.

– Напиток связан с историей личности великого писателя. Достаточно неплохо звучит, чтобы оправдать тот факт, что ты всего-навсего напиваешься. А еще вкус нравится.

Она, судя по хитрому прищуру, осталась удовлетворенной моим ответом.

– Итак, ты ехал на работу, – начала девушка, – Что произошло?

– Я заснул в поезде, а когда проснулся, перестал понимать, где нахожусь. И чувство было странное.

– Чувство, что вокруг все далеко не так, как должно быть, но ты понятия не имеешь, что именно? – она достала из аккуратного портсигара длинную тонкую сигарету и чиркнула зажигалкой.

– Да! Я даже забыл, куда еду. И на работе делал все, словно автоматически. У тебя что, тоже было подобное? – я не на шутку заинтересовался.

– Возможно, – лишь бросила она и затянулась ароматным дымом. Задумчиво покрутив в пальцах зажигалку, она продолжила, – Однажды я поняла, что не помню лиц родителей. Совсем. Словно кто-то прошелся по моим воспоминаниям и кропотливо заштриховал их изображения. И еще школа.

– Что – “школа”?

– Я понятия не имею, какую именно я закончила. У нас они вообще остались? Я не помню. Воспоминания из детства потускнели настолько, что уже и не различить ничего.

– Ваш коктейль! – словно из ниоткуда возник бартендер с холодным бокалом в руках.

Вдруг девушка резко встала. Она спрятала портсигар, затушила еще тлеющую сигарету, оставив ее в пепельнице, и повернулась ко мне.

– Мне пора. Забегай сюда иногда, я частенько занимаю этот столик.

Не дождавшись, пока я отвечу, она стремительным шагом покинула бар, оставив меня наедине с напитком.

0100

Мне так и не захотелось возвращаться домой. Бессонница. Замкнутый круг ночей, которые проводишь в бесцельных прогулках, и коротких передышках в общественном транспорте, после которых теряешь ощущение реальности. Что-то не давало мне покоя. Загадочный взгляд и полунамеки де-

вушки в баре смутно отзывались в моей душе чем-то знакомым, но я не мог сформулировать то, что крутилось на обочине подсознания.

Людские потоки редели, и я все с большей отрешенностью шел вперед, не зная, куда заведет меня путаная дорога. Неон вывесок, ослепляющий и дурманящий своей кислотной желанностью, выпустил меня из цепких объятий, оставшись позади. Номера домов светились все тусклее, а идеальная геометрия улиц теряла свои строгие математические очертания. То и дело под ногами начал попадаться мусор, которого я не видел там, откуда пришел.

Наконец, всякие намеки на жизнь, в понимании жителей мегаполиса, остались позади. Входные двери многоэтажек либо оказывались распахнуты настежь, либо, напротив, были крепко заколочены. Покинутый квартал Пантеона, самая окраина города. Уличные фонари здесь давно покосились и, словно устав от нескончаемой службы, прильнули к каменным высоткам. Разрушающиеся улочки давно бы потонули в темноте и исчезли с глаз так же, как исчезли из памяти своих прошлых жителей, но я шел вдоль широкого шоссе, безукоризненно гладкая поверхность которого сияла белыми огнями. Под прозрачным покрытием тянулись длинные светодиодные ленты, от взгляда на которые начинало резать глаза. Узкая полоска цивилизации разрезала хаос умершей части Пантеона подобно нагретому ножу, входящему в масло.

Не знаю, сколько времени или километров прошел я вдоль

сияющей магистрали, но, в конце концов, высотки расступились и мне открылся горизонт. Горизонт, конечно, сказано чересчур напыщенно и многообещающе, скорее, из лабиринта древних строений, наполненных тьмой, я оказался перед необъятной пустотой, которая вся была соткана из черного ничто. Лишь белое шоссе, невзирая ни на что, упрямо разрезая черноту ночи, стремительно убегало вперед. Туда, где по всем моим скудным географическим познаниям, должен находиться горизонт.

“Куда ведет эта дорога?”, – бросил я пробный камушек в озеро своего сознания, однако ничего не отозвалось. Пусто. Ответа не было.

Не помню, чтобы хоть раз по этой дороге проносились автомобили. Да и зачем? Если живешь в Пантеоне, редко хочется отвлекаться от его ослепляющих огней. Вечная жизнь без сна среди ярких неоновых красок куда лучше пугающей неизвестности умирающих, один за одним, кварталов. В этой первозданной тьме, наступающей на беззащитный хлипкий гранит города, созревало будущее. Оно чувствовалось настолько остро, что хотелось развернуться и бежать так быстро, как только возможно. Оно шептало свой неотвратимостью и от этого каждый хотел отвернуться. Попытаться не заметить того, что не вписывается в его вечное существование.

Жители Пантеона не хотят будущего. Они не знают и не хотят помнить прошлого. Их существование вечно колеблет-

ся в мимолетном “сейчас”. Не так уж и плохо, если задуматься. Никаких забот и тревог, связанных с тревожным ожиданием грядущих перемен. Все просто, словно твой мозг – это очень упрощенная последовательность нулей и единиц. Однако можно ли назвать это жизнью? Существование, не разделенное циклами дня и ночи, проходящее под светом огней Пантеона, легко спутать с бесконечной комой, в которой жители оказываются сразу при рождении.

— Стоп, – сказал я самому себе вслух, – а где все дети? Почему за весь день я не видел ни одного ребенка?

Из глубины души вновь поднялась тревога. Я развернулся и торопливо поспешил обратно, взяв курс на огромный светящийся шпиль, возвышающийся над городом.

0101

Я на удивление быстро вновь оказался в сумбурной круговерти огней центра Пантеона. Путь показался как минимум втрое короче. Наверное, задумался, пока шел и не заметил, как вернулся.

Чем ближе я подходил к громаде здания с высоким шпилем, который сияющей шпагой вонзался в чернильное небо, тем выше, шире и ярче становились жилые кварталы. Над головой по воздушным шоссе бесшумно проносились автомобили, уносящие в своих поликарбонатных чревах самых успешных жителей города. На широких улицах оживленно

бурлила людская толпа, которая, однако, отличалась от той, что я видел у своего дома. Одежда жителей стала разнообразнее, а прически сверхъестественных форм и цветов напоминали причудливые растения.

“Не город, а ботанический сад”, – подумалось мне.

Вдоволь натолкавшись среди такого экзотического разнообразия, я свернул в переулок, где, наконец, смог спокойно отдышаться. Над толчеей витал такой безумный коктейль из парфюмерных ароматов, что в какой-то момент я всерьез не мог глотнуть воздуха полной грудью. Из открытых дверей многочисленных заведений потоками выливалась музыка, подхватывающая толпу и будоражащая ее. Канонада беззаботности, фанфары торжества желаний над мыслями и разумом гремели, как симфония нового мира.

Попятившись от широкой улицы, я глубже зашел в тень переулка и решил продолжить свой путь во мраке, чтобы не отвлекаться на праздничное безумие не знающего сна Пантеона. Сеть узеньких улочек, петляющих по городскому лабиринту, словно книжный форзац, впитывала в себя бледные отблески яркой нескончаемой жизни города. Черные выходы гудящих, как осиное гнездо, заведений, то и дело хлопали, выпуская торопливых посетителей, желающих остаться незамеченными широкой публикой. В тупиках, окутанных непроглядной тьмой, из кучи мусора остервенело горели колючие глаза бездомных. Кажется, еще совсем немного, и они уйдут во тьму целиком, как брошенные на произвол мрака

кварталы на окраине. Даже пронзительные взгляды еще живых глаз не спасут их тела от предопределенного затухания. А что насчет их душ… Души давным-давно перестали селиться в телах жителей Пантеона.

0110

Мне нужно было как можно скорее найти человека, который смог бы дать мне ответы. Однако вопросы, которые я хотел задать, еще не сформировались в полной мере в моем сознании. Лишь неясное беспокойство трепетало, закованное в капкан грудной клетки. Оно-то и толкало меня вперед, заставляя переходить на легкий бег и торопливо перепрыгивать через тела бродяг и наркоманов, нашедших свой покой в полутьме переулков Пантеона. Яркий Шпиль, видный из любой точки города, светлой нитью горел в небе, направляя меня в бесконечных тупиках, переходах и лестницах с одного уровня города на другой.

Я то взбирался наверх и шел вдоль куда более чистых стен тех же самых высоток, то вновь спускался к их подножиям, утопающим в нищете и вони. Чем выше по уровню была улица, тем большие капиталы имели ее жители. Но меня сейчас волновала лишь кратчайшая дорога до Шпиля, поэтому я безбоязненно шел вперед через грязь и сырость бедных уровней, старательно избегая главных дорог, заполненных людьми.

Нередко надо мной раздавался резкий визг полицейских машин. Тьма нехотя расступалась перед кислотными цветами проблесковых маячков. Тела, которые я едва успел переступить, машинально расползались в стороны, чтобы избежать неприятностей с законом. Я ни в чем не был виновен, однако и тратить драгоценное время на препирания с людьми в темно-синих комбинезонах, не хотелось. Здесь они вершители судеб, трактующие букву закона так хитро, что не каждый осужденный мог уловить момент, когда его вина вдруг становилась очевидной и не подлежащей сомнению. Так что я заблаговременно нырял в переходы, едва заслышав пронзительный гудок над головой.

Пока я шел, мне думалось, что цель моего стремительного ночного похода возникнет передо мной сама собой, останется лишь протянуть руку и все, тревога исчезнет, а проблемы решатся, словно их никогда и не возникало. Но такого не бывает. Если брести вслепую, никогда не обрести желаемого. Я, петляющий по задворкам жизненного ритма Патенона, оказался внезапно выброшенным из него, отвергнутым, как организм нередко отвергает инородное тело. Буквально в нескольких метрах от меня бурлил и пенился поток нескончаемой жизни, однако я лишь копошился в заводи, с каждым движением погружаясь все глубже в ил неясного беспокойства.

“Найти такого же! – вдруг понял я, – Мне нужен такой же потерянный человек, как и я сам!”

Мысль эта расцвела в моей голове пышным бутоном и захватила мое внимание. Я понял, кого буду искать, едва достигну Шпиля. Человека, выброшенного вдруг на берег его привычного уклада жизни, можно заметить невооруженным глазом в любой толпе. Нужен был растерянный блуждающий взгляд потерявшегося или, смотря как трактовать то, что случилось со мной, очнувшегося от летаргического сна.

Радость от того, что решение, наконец, принято, настолько захватила меня и понесла вперед, что я чуть не врезался в толпу, возникшую, словно из воздуха. Переулки и бедные кварталы неожиданно закончились и остались позади. Моим глазам предстала обширная площадь, по центру которой начиналось монументальное основание Шпиля. Тонны полимерного стекла и стали гордо высились на пестрым морем из жителей города. Словно прибой, они накатывали на причудливой формы мосты и галереи, обвивающие Шпиль и наполняли воздух разноголосым гомоном.

Я обвел толпу взглядом. Будто река, она неслась навстречу диковинному сооружению настолько плотно, что негде было упасть яблоку. И лишь в одном месте поток расступился, чтобы сомкнуться вновь. Посмотрев туда, я замер. Кажется, я нашел того, кого искал.

0111

Желтая куртка растерянного человека выделялась на фо-

не толпы. Он нервно переступал на месте и крутил головой, словно высматривая кого-то. Не дожидаясь, пока он уйдет, я нырнул в толпу. Мне нужно было дойти до него в что бы то ни стало.

Однако, когда я второпях протиснулся через плотные ряды людей, его уже не было. Подавив возникший приступ отчаяния, я закрутил головой. Совсем рядом со мной высился столб, проецирующий рекламный ролик на одну из стен Шпиля. Недолго думая, я в пару прыжков приблизился к нему и, изо всех сил оттолкнувшись ногами, ухватился руками повыше. Задуманное мне удалось – теперь я вновь возвышался над толпой.

“Черт, вот ты где! – воскликнул я и соскользнул обратно на землю, – За всеми рванул!”.

Решив, по видимому, не сопротивляться пестрой толпе, он позволил подхватить себя и увлечь туда, куда стекались люди со всего Пантеона. Желтая куртка мелькнула и исчезла в проеме, ведущем в бесконечные галереи Шпиля. Расталкивая людей, я поспешил за незнакомцем.

На входе я торопливо прошмыгнул через турникет за толстощекой грузной женщиной. Ее габариты лишь увеличивались одеждой с жестким каркасом и обилием перьев на нем. Трехэтажная башня из пурпурных волос делала свою хозяйку ничуть не меньшей достопримечательностью, чем место, которое та решила осчастливить своим грандиозным появлением. Очевидно, ее доставили сюда на отдельном автомо-

биле – столь роковая дама попросту не могла прийти сюда вместе с какой-то челядью. К тому же контроллер улыбнулся ей, едва заметив, и сразу же завязал непринужденную светскую беседу, совершенно упустив из виду вверенный ему для охраны вход в Шпиль. Так что проскользнуть было нетрудно, учитывая комплекцию моей невольной покровительницы. А говорят, что от избыточного веса одни проблемы. Безбожно лгут.

Оказавшись внутри, я понял, что не имею ни малейшего понятия, куда здесь можно было пойти. На улицах города меня направлял Шпиль, пылая ослепительным огнем среди темного неба, а вот что делать дальше, я не знал. Десятки коридоров расходились в разные стороны, и во всех толпилось множество людей. Незнакомец мог выбрать любой из них, а чтобы обойти все по очереди понадобится, ни много, ни мало, целая вечность. Мой хлипкий план на глазах терял шансы на успех. И тут чья-то тяжелая рука легла мне на плечо.

– Войти вошли, а куда идти-то и не знаете? – послышался насмешливый голос.

Я обернулся и похолодел. Передо мной стоял контроллер, тот самый, который, я думал, не заметил меня на входе. Денег у меня с собой не было. Посмотрев на маячивший позади патруль из трех полицейских в синих комбинезонах, я подавил в себе порыв выяснить, кто из нас бегает быстрее.

– Госпожа Азильда желает говорить с вами? – сказал он,

выразительно заглянув мне в глаза, и указал на женщину, которую я посчитал своим шансом пробраться сюда незамеченным. – На вашем месте, я бы не стал медлить, ведь лишь благодаря ей вы еще не арестованы.

Делать было нечего, и я покорно поплелся навстречу экстравагантной покровительнице.

1000

Я не стал расшаркиваться и склонять головы в знак уважения, как того, возможно, хотела бы Азильда – не привык к лизоблюдству. Однако, похоже, обладательницу высокой пурпурной прически это мало смутило. Она отстраненно кивнула контроллеру, который начал было что-то шептать ей на ухо и спокойно протянула мне руку.

– Что же, беглец, будем знакомы. Меня тебе уже представили, а своего имени можешь не называть – не в моих привычках запоминать столь незначительные детали. – тут я поморщился, но она этого, похоже, не заметила, – Раз уж ты так возжелал пробраться в Шпиль, что даже не гнушаешься прикрываться дамой, то теперь я в праве потребовать с тебя небольшую услугу. Честный обмен. Ты согласен со мной?

“Еще бы я был не согласен”, – подумалось мне. Ушедший в сторону контроллер все еще косился на меня. Перспектива объясняться с полицией прельщала меня еще меньше, чем

общение с Азильдой. Незнакомца мне все равно уже не догнать, так что пришлось кивнуть.

– Вот и отлично. Так уж вышло, что мой камердинер наглым образом куда-то сбежал, а даме моего статуса не пристало волочить чемоданы до автомобиля. Особенно, – добавила она с нажимом, – когда их передает ей Управляющий Шпиля.

– Сочувствую. – без энтузиазма ответил я.

– Идем, – бросила она уже на ходу, направляясь к малозаметной дверце в стене. – Примеришь на себя роль моего недобросовестного работника.

Прозрачная капсула лифта с мягким шипением поползла вверх, поднимая нас над пестрой толпой, которая с каждой секундой приобретала все большую схожесть с картинами импрессионистов, составляющих свои работы из сотен густых разноцветных мазков, которые чудесным образом, как пазл, подчиненный воле создателя, сами собой складываются в сюжет, застывший под кистью художника. Однако разношерстная публика даже в отдалении не могла сложиться в что-то красивое или, по крайней мере, организованное. Лишь снующие в случайных направлениях точки, будто не имеющие ни мысли, ни собственной воли. Лишенные смысла движения создавали жизнерадостную ширму суеты, за которой было легко потерять из виду истинную картину происходящего. Краски Пантеона, сверкающие в его огнях, ав-

томобилях и экстравагантных одеяниях его жителей, мельтешили в сюрреалистичном безумном веселье. Вся эта круговерть нескончаемого празднества, отчаянно выдавливала из себя энергию, беспомощно посылая ее в безответное чернильное небо. Каскады жилых уровней, каждый из которых старался перещеголять уровень пониже, яростно сияли, пытаясь прорезать и разметать в клочья тяжелый мрак, давящий сверху. Но, чем выше поднимался лифт, тем лучше осознавалась тщетность этих попыток.

Прозрачная капсула едва ли доползла до середины Шпиля, а многое уже становилось понятнеес.

Неужели я и вправду не похож на всех, кого только что презрел, как презирают насекомых, заметив их копошение в старой кладовой? Или же я лишь точно такая же несамостоятельная клетка гротескно-аморфного левиафана, которой раз в жизни по чистой случайности повезло возвысится над себе подобными? Но самый главный вопрос, который теперь терзал меня изнутри, словно ощерившийся крысеныш, загнанный в угол, звучал так: «А изменится ли что-то от моего сиюминутного прозрения, или мое сознание вновь растворит и подавит любой дискомфорт, вызванный мыслями, едва я спущусь вниз?»

Теперь, когда мне довелось в буквальном смысле взглянуть на Пантеон сверху, мое недавнее отрешенное безразличие сменилось разгорающимся любопытством. Вырвавшись из липкого оцепенения, которым, видимо пропитал меня го-

род настолько сильно, что воспоминания растворились в туманном омуте сознания, я оказался над кутежной суетой остальных обитателей города. Единожды взглянув на всю эту круговерть со стороны, мне до жути захотелось если не познакомиться, то хотя бы издали посмотреть на человека, который наблюдал за Пантеоном лишь с такого ракурса. Кому как не человеку, вечно возвышающемуся над городом, вверенным ему в управление, быть единственным, кто сохранил рассудок в этом неоновом цирке безмыслия и пустословия?

Лифт замер на последнем этаже. Стеклянные двери бесшумно разъехались в стороны. Азильда тут же засеменила вглубь просторного кабинета, взмахом руки привлекая внимание единственного человека, находящегося здесь. Он степенно поднялся навстречу знакомой, поприветствовав ее лишь сухим кивком. Поспешив за своей невольной спасительницей, я на ходу с жадной страстью вцепился взглядом в помещение, в котором мне вдруг посчастливилось оказаться. В попытке подметить какие-то детали, чтобы цепко зафиксировать их в своем воображении, я переводил взгляд с одной стены на другую, но глаза мои не встречали чего-то определенного. Однотонные стены, практически прозрачные, изнутри светились матовым бирюзовым светом, отчего глаза расслаблялись и мое заостренное внимание притуплялось, будучи обманутым простым визуальным трюком. Острых углов в помещении не было, пол в неопределенный миг становился стеной, а та, устремившись на три человеческих роста

вверх, сливалась с потолком того же цвета. Почему-то я был уверен, что потолок здесь будет полностью прозрачен, чтобы Управляющий чувствовал себя шагающим по лезвию, слева от которого была бы пропасть бестолковой суеты Пантеона, а справа – окаменевший в стазисе Космос, преисполненный величием вечности, которую он дарит лишь тем, кто осмелится посвятить ему свои стремления.

Помимо массивного стола, на котором располагалась широкая панель управления чем-то, мне неведомым, внимание в кабинете могло привлечь лишь окно, той же неопределенной формы, что и все в этом месте. Оно начиналось от пола так, что на его краю все еще можно было стоять, оказываясь словно в полусфере, выдающейся за пределы внешней стены Шпиля. Наверняка лишь вечера, проведенные в единении с самим собой и создании внутри себя симбиоза между вечным и суетным могли помочь не сойти с ума единственному человеку в Пантеоне, который мог взять и с радостью брал на себя ответственность за содеянное. Все остальные, кого я встречал, могли в лучшем случае лишь переложить обязанность принимать решение на кого-то иного, не желая быть повинным в чем-либо. Неопределенность и безответственность захватила умы жителей города, не желающих сопротивляться течению, несущих их в водосток умственного и нравственного разложения. Управляющий, знакомый каждому и, в то же время, скрытый от понимания, стоял и смотрел на приближающуюся Азильду. Я в смущении перевел

взгляд на него – запечатлеть его образ в сознании в первую очередь, как-то не пришло мне в голову.

И вновь вопреки моим представлениям (хотя кто я такой, чтобы строить подобные представления?) Управляющий оказался человеком невысокого роста. Однако и назвать маленьким его было нельзя. Телосложения он был не сухого, как я того ждал, а чуть полноватого, не дотягивающего, тем не менее, до звания полного. Волосы на его голове и подбородке обрамляли невыразительное лицо, но не подчеркивали его черты. Они просто были. На краткий момент я застыл, оглушенный собственным открытием. Управляющий совсем не запоминался. Он был *самым обычным*. Заметив меня позади Азильды, он жестом подозвал меня.

– Азильда, ты не представила мне своего спутника, – сказал Управляющий, смотря при этом прямо на меня.

– Это мой временный помощник, бесполезно даже запоминать его имя. Прежний ни с того ни с сего удрал сегодня прямо перед Шпилем. Пришлось, знаешь ли, импровизировать.

– А Вы, юноша, из какого жилого сектора? – со скучающим видом бросил мой собеседник.

Я назвал номер и буквенный артикул.

– А-а… – неопределенно протянул Управляющий, – Это ведь довольно приличный квартал, насколько я помню.

Я кивнул. Мой сектор представлял собой тесные трущобы. Приличные кварталы находились ровно на другом конце

Пантеона. Управляющий не имел ни малейшего понятия об устройстве собственного города.

– Разрешите вопрос? – осмелев, промолвил я под негодующе-испуганный взгляд Азильды.

– А Вы настырный. Конечно, спрашивайте, юноша. Мало у кого в этом городе за жизнь выпадает хоть одна возможность о чем-то спросить Управляющего.

– Дело в том… – я немного помедлил, собираясь с духом, и продолжил, – Дело в том, что я так и не понял Ваших конкретных обязанностей. Не хочу, чтобы это прозвучало грубо, но чем именно Вы здесь занимаетесь?

Управляющий хохотнул и весело глянул на Азильду. Та покрылась багровыми пятнами, неистово пробивающимися сквозь многослойную штукатурку на лице. Рот ее раскрылся в порыве выпустить какой-нибудь оправдывающий звук, но, оставшись немым, закрылся. Я продолжал молча стоять, всем своим наивным видом показывая, что никакого злого умысла в моем вопросе нет и быть не может.

– Рубите с плеча, скажу я Вам. – улыбаясь ответил Управляющий, – Не жалеете ни себя, ни спутницу. Да еще из всех возможных вопросов выбрали такой простой. Ведь ответ примитивен и односложен – я командую людьми. Наставляю их, и неустанно слежу, чтобы никто не позарился на мое место, ведь это, как Вы понимаете, плохо скажется на городе.

– Наверное Вы очень образованы, чтобы занимать такой важный пост?

– Образование, – нахохлился Управляющий, – не приводит к таким должностям. Мне хватило своего ума, чтобы пробиться на последний этаж Шпиля. А для того, чтобы разбираться, как там, внизу, все работает, здесь служат толпы клерков с корочками. Мне это не интересно. Грамотное руководство, а не знания – вот формула успеха. Глупо лелеять надежду достигнуть высот карьеры, отдав половину своей ничтожной жизни на зубрежку допотопных книжек. Надо уметь жить и вертеться, а иначе, – Управляющий нервно передернул плечами и раздраженно продолжил, – лифт в Шпиле не будет возить Вас выше офисных этажей для служащих средней величины. Надеюсь, я доступно ответил?

– Ой, вы простите! – залепетала Азильда, очнувшаяся от оцепенения, – Вообще он просто согласился помочь мне с вещами. Не слушайте его вздор. Если позволите, мы заберем все, что нужно и немедля оставим Вас наедине с работой.

– Вы правы, – ответил Управляющий, всплеснув руками, – что-то мы и вправду заболтались.

Он холодно кивнул Азильде и, не глядя на меня, указал на небольшую тележку с бумагами, притулившуюся в углу. Я незаметно улыбнулся, кажется, я слегка разозлил этого небожителя, уверенного в превосходстве изворотливости над знанием. Пусть покусает себе локти в неясной тревоге оттого, что какой-то прохожий заявился в его обитель и начал задавать неудобные вопросы, наплевав на его статус.

Забрав тележку, я не стал, как Азильда, распыляться пе-

ред Управляющим и медленно пятиться к выходу, рассыпаясь в благодарностях за радушный прием. Человек, которого я заочно чуть не возвел в статус величайшего деятеля этого города, оказался полной пустышкой. Оболочкой, скрывающей лишь то же бездумное цифровое сияние, заменившее душу, что теперь захватило абсолютное большинство жителей Пантеона. Главное лицо Шпиля ничуть не отличалось по масштабу мысли и действия от самого захудалого клерка или, скажем, того контроллера у входа. Гадостное чувство овладело мной, едва двери лифта сомкнулись, и капсула из полимерного стекла мягко начала движение вниз. Азильда предпочла ничего не высказывать мне и просто стояла, поджав губы и уставившись в дверь. Меня такой расклад устраивал, и я вновь развернулся лицом к городу. Горькое разочарование от мимолетно возникшей и настолько оглушительно рухнувшей надежды на настоящего Человека в Пантеоне досадно свербило в груди.

Видимо, даже если твой кабинет возвышается над суетой города, его безмыслие и торжество потребности получать над потребностью созидать все равно захватывает тебя и уносит в бездну стагнации личности. Никакой взгляд со стороны не способен зажечь искру разума там, где за ненадобностью давным-давно избавились от дров для костра Мысли. Не думать, не учиться, не создавать. Приспосабливаться, расслабляться, использовать. В этом городе нет места творцам. В Пантеоне нет места будущему.

– Вы только посмотрите! – всплеснула руками Азильда, приникнув к окну, – Вот куда этот разгильдяй запропастился. Снижаемся, быстрее!

Искусственный интеллект автомобиля послушно рассчитал безопасную траекторию торможения в потоке, за доли секунды снизился и замер у пешеходного уровня. Азильда так стремительно выпрыгнула из машины, поправляя на ходу прическу, что я невольно задумался, откуда же столько прыти в такой масштабной особе. Я проследил за ней и обомлел. Растерянно пятясь от наседающей работодательницы, на тротуаре находился беглый камердинер, одетый в неестественно-желтую куртку. Я не мог не запомнить ее даже среди цветастой палитры жителей этого города. По совпадению или благоволящему мне року, наши пути с беглецом у Шпиля вновь пересеклись.

Я вынырнул из низкого авто на пружинящую мостовую. Вместо твердого пенобетонного покрытия, как на нижних уровнях, здесь дорога была устелена мягкой полиуретановой смесью. Звук моих шагов растворился в демпферном искусственном грунте. Я бесшумно подошел к Азильде, оставаясь незамеченным ее камердинером. Разум говорил мне, что вероятнее всего я ошибся и принял этого человека за тот фантом, за которым погнался часом ранее. Кто угодно мог хо-

дить в одежде похожего цвета. Но я упрямо шел и чувствовал – я делаю именно то, что должен. Как только я выглянул из-за плеча Азильды, камердинер перевел взгляд на меня. Спустя мгновение он странно улыбнулся. И вдруг, едва я сделал шаг ему навстречу, он сорвался с места.

Перепрыгнув через грузовую платформу, беглец скрылся в переулке. Я бросился за ним. Вслед доносятся неразборчивые крики Азильды. На то, что она там кричит, мне уже решительно наплевать. «Решил опять убежать, зараза». Я кидаюсь в погоню.

Желтая куртка маячит перед глазами, расстояние между нами не сокращается. Едва я заворачиваю вслед за беглецом за угол, как его силуэт уже мелькает в конце переулка. Он очень быстр. Чертыхаясь, я рвусь через каменный лабиринт, а беглец и не думает сбавлять скорость. Поворот, еще один, за ним второй, третий. Дыхание сперло. Сердце яростно бьется в такт бесшумным шагам. Лестница. Прыжок – и я внизу. Искусственный грунт гасит звук приземления. Я вновь бегу настолько быстро, насколько способно двигаться мое тело. Но этого не достаточно. Беглец то становится ближе, то вновь одним махом опережает меня на дюжину шагов. Два коротких вдоха через нос. Резкий и сильный выдох ртом. Перед глазами появляются мушки. Звуки из приоткрытых дверей сливаются в какофонию, меньше всего настраивающую на бег. Руки расслаблены, вся энергия в ноги. Раз, два три. Толчок на выдохе правой ногой. Контроль ступни, па-

дать нельзя. В голове пульсирует одна мысль. «Не упустить. Только не упустить».

Я заворачиваю за угол и вот он – стоит на краю уровня, не касаясь поручня. Смотрит вниз. Я перехожу на шаг, пытаясь отдышаться. Уйти из этого коридора можно лишь тем путем, по которому сейчас иду я. Попался. Баста. Догнал.

– Чего… чего бежишь-то? – судорожно хватая ртом бесценный кислород, просипел я, – Я ведь поговорить хочу.

Беглец обернулся. Он оценивающе присмотрелся ко мне и вновь отвернулся. Вдруг он схватился за поручень и перемахнул за край уровня. Проклянув его упорство, я бросаюсь к краю платформы. Ну, разумеется. На нижнем уровне гора рваного постельного белья. Вероятно, за соседней дверью скрывается прачечная. Обладатель желтой куртки неуклюже выползает из-под кучи тряпок. Он запутался в тряпье, надо прыгать. Иначе не догнать.

– Чертов рояль в кустах, не иначе, – пробурчал я, пытаясь хоть как-то себя подбодрить.

Разбежавшись, я отталкиваюсь ногой, заношу вторую, но в самый последний момент задеваю носком ботинка поручень. Потеряв равновесие, я кулем лечу вниз.

Падение выбивает из меня дух. Все же лучше, чем на мостовую. Приподнявшись на руках, бросаю тело вперед и скатываюсь с тряпичной горы. Беглый камердинер Азильды только встает. Я съезжаю прямо на него, вытягиваю руку, чтобы схватить, но в последний момент он вновь срывается

с места. В который раз чертыхаясь, я вскакиваю и опять кидаюсь в погоню.

Я едва различаю того, за кем гонюсь. Мы спустились на нижний уровень. Здесь темно. На бетоне грязные лужи. Я перепрыгиваю через растянутые на коробках тела бездомных. Смотрю вперед. «Только бы не потерять». Редкие фонари больше слепят, чем улучшают обзор. Над головой раздается вой полицейских сирен. Беглец припускает, и я расходую последние резервы, чтобы не отстать. Мы стремительно удаляемся от шумных районов. Навстречу попадается все меньше вывесок. С каждым шагом мы все ближе к границе города. Еще немного, и огней не останется вовсе.

Желтый силуэт резко бросается в сторону, я еле успеваю за ним. Он выскакивает на дорогу. В метре над пенобетоном стремительно проносятся автомобили. Не думая, он ныряет вперед, чудом избегая столкновения. Не обращая внимания на опасность, я прыгаю следом. Первая полоса пройдена. В сантиметре разминулись с тяжелой грузовой фурой. Подныриваю под машины второй полосы, снижаю скорость, но пропускаю смертоносный поток над собой. На мгновение теряю беглеца из виду. Выпрямляюсь посреди дороги, ловлю взглядом желтый силуэт. Он уже на другой стороне. Бросаюсь за ним в образовавшийся разрыв. Слишком поздно ловлю истеричный визг сирен. Мерцающая красно-синими огнями автомобиль увиливает в сторону, я инстинктивно подставляю согнутую в локте руку. Легкое касание, умноженное

на скорость, отбрасывает меня на несколько метров. Секунда в воздухе, глухой удар. Хруст. Вспышка боли. Успеваю заметить, как машина не снижая скорости, уносится дальше, преследуя прожектором желтый силуэт.

Я медленно встаю на четвереньки, отползаю подальше от дороги, затем, опираясь на стену дома, поднимаюсь на ноги. Правая рука безвольно висит. Любая попытка ее напрячь бьет хлыстом по нервным окончаниям. Перелом. Осматривая себя, обнаруживаю, что с ног до головы измазался в дорожной грязи. Одежда порвана в нескольких местах, оголяя кровоточащие ссадины от падения. Все, конец. Добегался. Пора остановиться. Все зашло чересчур далеко.

Не зная, что теперь предпринять, я бездумно побрел в ту же сторону, куда унесся полицейский патруль. С каждым пройденным кварталом поток машин сильно редел, пока, наконец, не иссяк вовсе. За моей спиной все еще слышался шум Пантеона, но город больше не имел здесь власти. Начались первые запертые двери, аккуратно опечатанные властями. Затем показалось разбитое окно, за ним еще одно, вкупе с грубо заколоченным входом. Лампы уличного освещения, которые некогда озаряли эти улицы, сиротливо стояли без подключения к общей энергосети. Скупой Шпиль не давал ни единого ватта энергии просто так. И плевать, что жители покинули эти районы именно потому, что Пантеон внезапно отключил все энергоснабжение. Бездарный управленец Шпиля подумал, что это нецелесообразно, содержать

толпу живых людей, и нажатием кнопки выбросил их на улицу. Теперь на нижних уровнях прибавилось заросших грязью и плесенью бездомных, а на откуп непроглядной тьме на горизонте были отданы еще несколько десятков домов.

В заброшенных районах Пантеона нет источников света. Отсюда ушло всякое напоминание о жизни. Звуки города не доходят до мертвых кварталов. Поэтому было трудно не услышать взвизгнувшие полицейские сирены вкупе с отблеском сине-красных маячков на стенах домов через квартал от того места, где я шел. Прибавив шаг, я старался не обращать внимания на боль в руке. Несуразная погоня, судя по всему, была очень близка к своему завершению.

Когда я завернул за угол здания, на оставшихся стеклах которого маячили отсветы полицейских огней, моим глазам предстала небольшая площадь. Стиснутый бетонной клеткой умирающих зданий пятачок земли был непривычно многолюден. То и дело взвывающая сирена многократно отражалась от покрывающихся влажной плесенью стен и приобретала сюрреалистичную тональность. Этот звук был скорее похож на стон большого умирающего зверя, что очень символично для места, в котором он раздается.

Четыре полицейских автомобиля полностью опустились на мостовую. Служители правопорядка в синих комбинезонах суетливо бегали между машин, прожекторы которых были направлены на окно одного из зданий. Решив посмотреть разворачивающееся представление с первого ряда, я подо-

шел поближе, благо, что в такой темноте меня было довольно трудно заметить. Мне не пришлось долго ждать. Вскоре из входного проема с выбитой дверью показалось несколько рослых фигур полицейских. Они тащили за собой беглого камердинера, руки которого были связаны за спиной. Расплывающийся под глазом синяк недвусмысленно намекал на неразумное сопротивление при аресте. Желтая куртка была измазана в пыли и побелке.

– Ты опоздал! – вдруг резко крикнул беглец и посмотрел прямо мне в глаза, – Все кончено. Ты уже ничего не изменишь!

От неожиданности я опешил. Не зная, что думать, я попятился, все сильнее скрываясь во тьме.

– Я кое-что сделал! – взвизгнул камердинер и истерично рассмеялся.

– Заткнись и лезь в машину, – прикрикнул на него полицейский.

– А его вы не хотите забрать? – хохотнул беглец и кивнул в мою сторону.

Я не стал дожидаться, как отреагируют на его слова полицейские. Когда, вероятно, они начали шарить прожекторами по площади, меня уже и след простыл. Отбежав на пару кварталов, я вышел к светящемуся шоссе и пошел вдоль него знакомой дорогой. Придерживая ноющую руку, я двигался в единственном направлении, которое взбрело мне в голову. Я возвращался в бар.

Мне нужно было сесть и немного успокоиться. Желательно выпить. Если бы поблизости обитал благодарный собеседник, я вообще почувствовал бы себя практически счастливым. Насколько может быть счастлив человек со сломанной рукой.

На удивление, вокруг бара больше не терлась необъятная толпа. Улицы моего сектора вообще выглядели покинутыми. Лишь редкие прохожие попадались мне навстречу, да и те стремились как можно скорее исчезнуть во чревах многоэтажек. Я вновь вошел в бар, в котором был… сегодня.… Или вчера? Как мне разделить мое бодрствование на периоды, если над головой вечная тьма? Во всяком случае, на работе, про которую вспомнил только сейчас, я за это время был всего единожды. Правда это вряд ли могло служить маркером, отделяющим одни сутки от других. Все, что я увидел в Пантеоне – это бесконечная праздная ночь, заключившая в себе как долгие периоды бодрствования, так и перерывы на краткий сон. Границы суток здесь стерты, как тягостный архаизм, напоминающий людям об ограниченном сроке их жизни. Границы ушли вместе с времяисчислением, погрузив общество в застывшее сладкое безвременье, существовать в котором оказалось куда комфортнее.

Оправдав этими рассуждениями свои напрочь сбитые

биологические часы, я с облегчением заметил знакомую фигуру за одним из столиков.

– Привет, – я осторожно опустился на стул рядом со знакомой девушкой.

– Смотрю, ты сполна вкусил жизни Пантеона? – кивнула она на висящую плетью руку.

– Не то слово, – усмехнулся я. – Рассказать, как так вышло?

– Валяй, – безразлично пожала плечами девушка и достала тонкую сигарету.

Спустя пару коктейлей, которые я заказал в процессе разговора, она узнала обо всем. За время рассказа лицо ее не менялось. Она лишь брала предложенный мной бокал, выпивала и молча курила, отстраненно блуждая взглядом по столу.

– … и, только его вывели, как вдруг он замечает меня, хотя я стою в абсолютной темноте, и кричит, что я опоздал. Куда я опоздал, он не объяснил. Естественно, я поспешил убраться оттуда. И вот я снова здесь.

Я залпом выпил содержимое бокала. Эмоциональный рассказ стал неплохим испытанием для непривыкших к длинным монологам связок.

– Я думаю, стоит разыскать его и поговорить. Мне нужно разобраться, что он имел в виду.

– Не стоит, – раздраженно прервала меня девушка. – Он прав, ты был чересчур медлительным. Все кончено.

– Что кончено? – непонимающе спросил я. – С чего такие громкие слова?

– Оглянись вокруг! – повысила голос моя собеседница. – Еще все нормально, а люди уже инстинктивно идут к Шпилю. Все! Вот-вот весь город отключат и жизнь закончится. Весь Пантеон превратится в заброшенный квартал. Знаешь, почему светящееся шоссе уходит в темный горизонт? Это дорога до Шпиля, которая раньше была главной магистралью. По всей ее длине были жилые кварталы города. Теперь же эта дорога уходит во тьму. Скоро она поглотит и нас.

– Но, подожди, – опешил я. – Причем здесь я? Ты говоришь, будто я виноват, хоть и не понимаю в чем.

– В том, что нужно было быстрее бежать, – горько сказала моя собеседница и встала. – Ты и правда, опоздал.

– Стой, но ведь… – я дернулся за ней, как вдруг свет в баре погас.

Пытаясь нащупать руками стены, я двинулся к выходу, окликая на ходу девушку. Но в ответ я ничего не услышал. Звуки вдруг резко перестали существовать. Воздух уплотнился. Я провел рукой там, где, по моим предположениям, стоял стол. Моя ладонь свободно прошла сквозь бесплотную тень. Собравшись с духом, я изо всех сил крикнул бартендеру, чтобы он принес мне счет. Однако я не услышал звука собственного голоса. Воздух, как теплые чернила, принял меня в свои объятия и вынес из бара. Хотя никаких зданий больше не существовало. Ни стен, ни улиц, ни города. Чер-

нильная материя затекла мне в глаза и расцвела в них первозданной тьмой. Она обволокла каждый мой внутренний орган и мягким потоком наполнила до краев душу. Я потерял ориентацию и перестал чувствовать пола под ногами. Повсюду была лишь первозданная тьма. Теперь она безраздельно правила всем, что было вокруг меня и тем, что было внутри. Я почувствовал, что не причин сопротивляться ей. Нет смысла противиться неизбежному. Расслабив мышцы, я почувствовал, что рука больше не болит. Моя физическая оболочка стремительно истончалась, как чужеродный объект в кислотной среде. Я становился частью тьмы вокруг. «Я действительно должен был бежать быстрее», – промелькнула последняя мысль у меня в голове, и я полностью угас, растворившись в вечности.

1011

– Ну что, как там твоя нейросетка?

– Все могло быть и лучше, – вздохнул Захар и откинулся в кресле, поглаживая косматую бороду. – Куда лучше.

В этот час офис уже должен был быть закрыт, но сроки сдачи проекта поджимали настолько, что Захару вновь пришлось взять ключ у руководителя и работать допоздна. В полутьме кабинета раздавалось клацанье по клавиатуре всего двух пар рук. Вторая принадлежала коллеге из соседней команды. Над чем она работала, Захар не знал. Да и не бы-

ло времени проявлять любопытство – работа действительно шла не очень удачно.

Простенькая нейросеть для фундаментального анализа разного рода данных поначалу работала идеально. Процесс машинного обучения ускорялся по экспоненте, позволяя оператору лишь закинуть ногу на ногу и следить за детищем цифрового прогресса, выполняющим муторную работу по изучению рынка инвестиций. Однако, в один момент, если разбираться в механизме действия программы, становилось понятно, что значения, выдаваемые нейросетью, начинают сильно отличаться от реального положения дел. Это продолжалось некоторое время, а затем система и вовсе, выдавала неизвестную ошибку, и перезапустить ее не было никакой возможности. Единственным вариантом было взять сохраненный на внешнем носителе исходный код и, по сути, заново создать нейросеть. В ее работе скрывался фатальный баг, который рушил всю сложную цифровую архитектуру программы. Для того чтобы его хотя бы найти, понадобились бы годы, поэтому Захару пришлось подключить быстро написанную им утилиту для поиска ошибки.

Однако на часах уже было почти одиннадцать вечера, а небольшой сторонний помощник опять не успел обнаружить проблему до появления ошибки, уничтожавшую два часа кропотливого поиска.

– Сколько раз ты ее уже перезапустил?

– Столько, что и признаваться стыдно, -

простонал Захар.

Иконка на рабочем столе «_Пантеон_357.js» словно буравила своего создателя несуществующим взглядом. Цифры в названии означали количество неудачных попыток, что еще сильнее давило на отчаявшегося

разработчика.

– Все! К черту! – воскликнул Захар и вскочил со своего места. – Я не знаю, что еще предпринять. Пусть меня тимлид хоть живьем завтра съест, но к дедлайну я не успею.

– Значит, ты не успел, – полуутвердительно

сказала девушка, вдруг оказавшись у него за спиной. – Тебе же будет хуже.

– Вот только не надо мне нотаций читать, – раздраженно отмахнулся от нее Захар. – Не хватало мне еще от другой команды слушать упреки.

Девушка хмыкнула и пожала плечами.

– Я думала, что хотя бы ты не опоздаешь. Ну ладно, теперь уж без разницы.

– В смысле хотя бы я? – с нажимом спросил Захар и вдруг понял, что его связки словно превратились в вату. Он не смог произнести ни звука. Он схватился за горло и, ничего не понимая, обернулся к своей коллеге. Но едва он пошевелился, как с тихим хлопком свет в офисе погас. Захар от неожиданности отпрянул и попытался облокотиться о стол, но его рука не нашла опоры. Потеряв равновесие, он полетел на пол, однако поверхность не встретила его ударом. Падение про-

должилось, тело программиста закрутило. Беззвучный крик потонул в массе темной материи, поглотившей свою жертву.

1100

Проходя по вагону электропоезда я, наконец, нашел того, кого искал. Бородатый пассажир нервно спал, притулившись на диване у окна. Я был уверен, что это он, ошибка исключена. Подойдя к нему вплотную, я взял валяющийся на полу клочок бумаги. Достав ручку, я едва разборчиво накарябал на нем два адреса. Напротив первого написал «Работа», напротив второго – «Дом». Осторожно, стараясь не потревожить спящего, я сунул записку ему в правый карман брюк. Он ее найдет, я это знал.

Заметив, что пассажир начинает просыпаться, я быстро снял с него именной бейдж и бросил в урну. Пусть Захар, если я правильно прочитал имя, помучается. Застегнув желтую куртку, я выскочил из вагона на станции под сонным взглядом ничего не понимающего бородатого пассажира. Будет ли он достаточно быстрым? Хм, вот и проверим.